

№ 10. 1850

НОВЫЕ ДОСУГИ

ФЕДОРА СЛЫШУШКИНА.

19486

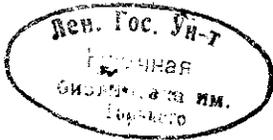
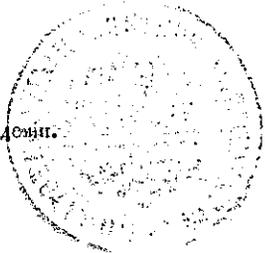
Переводы
1850

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съездъ, члѣны по означеннѣи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ закончено и въ печать.

С. Петербургъ 9 Января 1840 года.

Ценсоръ Петрѣ Корсаковъ.

МОЛЕБСТВІЕ ЗА ПОБѢДЫ,

НА ЦАРИЦЫНОМЪ ЛУГУ.

1830 года.

=

День свѣтлый, солнце золотое
Въ лучахъ ильветъ по высотѣ;
Яснѣетъ небо голубое!
Шумитъ садъ Лѣтній въ красотѣ,
Петромъ Великимъ насаженный!
Тамъ липы въковля, клены
Лелѣтъ вѣтеръ полдневой;
Надъ царственной рѣкой Цевой
Петровской шниль горитъ звездой,

*

Высоко голубогъ летаетъ,
А на гранитномъ берегу
Любовь семейная гуляетъ.

Что на Царицыномъ дугу?
Туда всехъ взоры и стремленья;
Тамъ праздненья Церкви и Царя;
Царю небесъ благодаренья!
Тамъ славы Русскія зоря;
Собрались воины полками;
Въ чьемъ сердцѣ радость не конитъ?
Во взорахъ каждаго, лучами
Любовь къ отечеству горитъ.
Несутъ хоругви святыя,
Какъ цвѣтъ алеть балдахинъ;
На высотѣ священный чинъ,
Сіяютъ ризы дорогія;
Вокругъ орлиныя полки,

Отъ латъ ихъ молніи сверкають,
 И шипи острыя, штыки,
 Рывкою движутся—блистають!
 Могучи воины, какъ львы,
 Душой орлы въ полетъ смѣломъ.
 Гдѣ, други, не бывали вы?
 Себя не показали дѣломъ?
 Вань подвигъ,—праздникъ, Русской мечъ
 Гулять въ поляхъ далекихъ свѣ;
 Вы льва Персидскаго связали,
 Сломали гордую Луну,
 И славно Польниѣ наказали
 Хранить святую тишину.

О, сколько днѣй сей сердцу сладокъ!
 Россія, здѣсь живой твой станъ!
 Здѣсь сила, стройность и порядокъ;
 Молчитъ тревожный барабанъ;
 Вдругъ громкій голосъ раздастся:

Всѣ въ строй, а тамъ кипитъ народъ;
Царь Русскій, нашъ Орелъ несется!
Отецъ нашъ!—здравствуй въ родъ и родъ!
Ура!—и сердце, какъ раскрылось,
И на крылахъ любви летитъ;
Все новой жизнью оживилось,
Усердье въ лицахъ говоритъ.
Затихло! всѣ благоговѣютъ,
Одни хоругви церкви вьютъ,
Сталь на колѣни чинъ святой;
Часъ умиленный моленья!
Царь и народъ—одной душой,
Любятъ Творцу благодаренье.
Вознесся животворный Крестъ!
И яркій лучъ взлетѣлъ до звездъ;
Взыграли трубы, барабаны,
Весь воздухъ занялся огнемъ,
И загремѣлъ въ раскатахъ громъ!
Завѣсой понеслись туманы.

Гласъ радости, и славы гласъ,
Взвился вихремъ въ тотъ же часъ,
Они сердцами повторились,
Отозвались во всехъ концахъ,
И дѣти за Отца молились,
Во всехъ Россіи сторонахъ;
Ты наша слава, утѣшенье,
Любимый, Богомъ данный Царь!
Твой взоръ для насъ благотворенье;
Ты Русскимъ—солнце Государь.

НА 2 ИЮЛЯ,

1839 года.

==

Слава Творцу Всеблагому,
Радости Царскому Дому!
Прохоръ усердный сказать сыновьямъ;
Лететь моленье по Больнымъ церквамъ.

Русское наше светило,
Светлой зарей озарило
Край свой родной, и въ чертогъ Царя,
Дочери радость, какъ утра заря.

Звоны въ веселье Россіи!
День сочстанья—Марин;
Кроткой Царевны сіяетъ вѣнецъ,
Полонъ гостями весь Царской Дворецъ.

Иирь у Царя Николая,
Чара съ виномъ золотая
Носится въ честь новобрачныхъ Дѣтей,
Росемъ шумить поздравленье гостей.

То Новобрачнымъ привѣты,
Счастья и славы обѣты,
И вѣсть полетѣла на молній крылахъ,
Далеко помчалась въ раскатныхъ громахъ.

Счастливъ Отецъ нашъ Державный!
 Домъ Твой умножился славный;
 Сыновъ четырехъ Богъ Тебѣ даровалъ,
 Пятаго сына Тебѣ указалъ.

Свѣтъ красотой удивляя,
 Въ слѣдъ за Тобой облетая
 Россію, среди громоносныхъ полковъ,
 Сынъ Твой Наслѣдникъ, — Вождь Русскихъ
 орловъ.

Дочери:—радость Марія,
 Еще двѣ Сестры Ей родныя,
 Цвѣты распустились,—лучи разлились,
 Свадьбы Царевнѣ у насъ начались.

Дѣти! скорѣй на лужайки,
 Внуки, невѣстки, хозяйки,
 На трое сутокъ—забудьте загошь,
 Вейте веселья,—заботѣ поклонъ.

Въ свѣтлое платье радитесь,
 Усердной душой веселитесь,
 Въ радость счастливой Четы молодой,
 Шляску начните на травкѣ цвѣтной.

Пойте со мною родные,
 Боже!—дни даруй благіе,
 Царю и Царицѣ весельемъ сіять,
 Семью устроить, пиры пировать.

Мирнымъ житьемъ наслаждаться,
Юной Честой любоваться,
Видеть и вырастить внуковъ родныхъ,
Для новаго счастья и дней золотыхъ.

СПб. ГИИ

БЛАГОДѢТЕЛЬНИЦѢ МОЕГО СЕМЕЙСТВА,
КНЯГИНѢ ТАТЬЯНѢ ВАСИЛЬЕВНѢ
ЮСУНОВОЙ.

НА ПРѢЗДѢ ЕЯ ВЪ РЫБАЦКУЮ
ПОЛЯ 28 ДНЯ 1838 ГОДА.

==

Радостно солнца для насъ появленье,
Послѣ ненастнаго дня;
Такъ намъ—Княгиня, Твое посѣщенье;
Оно Божій даръ для меня!

=

Все разыгралось, какъ вешней порою,
Скутъ, заботамъ конецъ,
Осень далеко осталась за мною,
Съ дѣтми веселится отецъ!

==

Пришла посмотреть ты на сельское счастье,
Оно разцвѣтаетъ Тобой;
Въ улыбку Твоей намъ сіяетъ участие,
Мать намъ, родная душой!

==

Миръ и покой Ты давно водворила,
Здѣсь доброй рукою своею;
Сельскую кровлю мою озарила,
Свѣтомъ отрадныхъ лучей!

==

Помнимъ Тебя, наша Мать и отрада,
Вѣрно душа говоритъ;
Благость, Княгиня, Твоя, какъ лампада,
Свѣтло предъ Богомъ горитъ!

СЧАСТЛИВЫЙ ВШУКЪ.

Близъ быстрой Котросли рѣки,
Есть удавые рыбаки
Сбирался на ловъ счастливой,
Живаль Федотъ трудолюбивой,
И скромная семья при немъ:
Сестра старушка, вшукъ съ женою,
Да трое батраковъ; весь домъ
Украшенъ чистою резьбою;
Предъ окнами съ плодами садъ,
И на кустахъ, какъ виноградъ,
Все ягоды кистями зрѣли!
Но яблонямъ рож шумѣли,

Собрали дружно даръ съ цвѣтовъ;
 На задворкѣ, какъ лѣсъ скирдовъ!
 Анбары полны ржи, пшеницы,
 Для черныхъ дней запасъ готовъ,
 Разведено домашней птицы;
 Еще стада овецъ, коровъ,
 Лошадокъ, на отборъ гуляли,
 Глаза прохожихъ привлекали.

Случилось подъ вечеръ зимой,
 Федотъ почувалъ знать разлуку,
 Съ тяжелымъ вздохомъ и слезой
 Онъ говорилъ заботно внуку:
 «Ты выросъ на моихъ рукахъ,
 Взлелеяль, какъ цвѣтокъ садовой,
 Со мной на нивахъ и дугахъ
 Гуляль весной,—и медъ сотовой
 Тебя, какъ гости услаждалъ!
 Ты помнишь, какъ я работалъ,

Съ утра до вечера съ сохою,
Одинъ пахалъ, не зналъ покою;
Заботой и стараньемъ рукъ,
Вотъ все добро мое нажито;
Съ радвьемъ, какъ гнѣздо увито,
Все для тебя, любезный внукъ!
Тебѣ я прочилъ на владѣнье;
Прими мое, ты, наставленье:
Вставай до утренней зари
И призывай на помощь Бога;
За все Творца благодари!
Не вей ты безъ молитвы стога,
И не укладывай скирдовъ;
Держи поменьше батраковъ,
Старайся самъ работать болѣ;
Домъ, нивы наши, садъ и поле
Пустьвють безъ хозяйскихъ глазъ;
Не въ пору потеряешь часъ,
Не наведешь и цѣлымъ лѣтомъ;

Ходи въ опрятности вокругъ пчель,
Съ сосѣдами дѣлися медомъ,
И бѣдняка зови за столъ;
Живи по Божьему закону,
Не помоясь, не ѣзди въ путь,
Къ чужому не мечись загопу,
Своимъ добромъ доволенъ будь.
Исполнишь мой советъ для счастья,
Твой домъ богатствомъ процвететъ;
Забудешь рѣчи,—жди пенастья,
Все поле мохомъ заростетъ,
И встрѣтнись горе предъ собою!
Замолкъ,—и вставъ благословилъ.

Съ дѣтьми недолго старецъ жилъ,
Отшелъ онъ къ вѣчному покою!
Остался внукъ съ своею женою,
Въ довольствѣ, на прохладной волѣ;
Недолго онъ ходилъ на полѣ,

Недолго управляль сохой;
Прельстила праздность, съ плечь забота!
Советы умные Федота
Заблеть неблагодарный внукъ!
Раскрыль онъ дѣдовской сундукъ,
Рубли старинные,—копейки,
Какъ сласть изъ линоной дунельки
Таскаль тышвыи вѣтрогонъ!
Но ярмонкамъ, весельямъ,—онъ
На доморощенныхъ летаетъ,
И о хозяйствѣ не смѣкаетъ;
Чужия руки косятъ, жнутъ,
И какъ попало работаютъ,
Не въ пору медь отъ пчель собираютъ,
Не въ пору лень тербятъ,—мнутъ,
Старушка много унимала,
То лихомъ внука, то добромъ,
Въ печали дни свои скончала!
И безъ нее Федотовъ домъ,

Какъ мячикъ подъ гору катился!
За годомъ годъ—летитъ впередъ....
Сундукъ порожнимъ очутился;
Въ поляхъ и швахъ недородъ!
Чѣмъ были полны въ старь анбары,
Пошло на сельскіе базары,
Безъ прибыли!—и лошадей
Завѣтныхъ убыло изъ стада;
Туть пчелы,—выводки дѣтей,
Поднявшисъ облакомъ изъ сада,
Шума по воздуху летять,
И звона слушать не хотятъ!
Пустьветъ сельскій садъ отрадный,
Приходить въ избу гость незванный,
Журить за подать и оброкъ!
Что третій протекаетъ ерокъ,
А пѣть уилаты!—стыдъ и пѣни;
Все горе встрѣтилось отъ дѣни!
Ни въ чемъ ему удачи пѣть,

Внукъ плачетъ,—жребій свой клянетъ!
Но одного не забываетъ:
Порою дѣда поминать,
И за него въ олтарь святой,
Дастъ свѣчу за упокой!

И вотъ однажды, ночью темной,
Заснулъ онъ въ горенкѣ укромной,
И видитъ: дѣдъ предъ нимъ стоитъ,
Съдой качаетъ головою,
На внука пристально глядитъ;
Слезу дрожащею рукою
Отеръ,—и началъ разговоръ:
Разстался мы!—и ты съ тѣхъ поръ
Совсѣмъ забылъ мои совѣты!
И вынешь въ молодые лѣты!
Одумайся, мой внукъ родной!
Молись, раскайся,—Богъ съ тобой!
И къ небу старца взоръ стремился.

Заплакаль внукъ!—а старецъ скрылся,
И сонъ исчезъ!—и той порой
Какъ будто все вдругъ измѣнилось,
И сердце въ немъ поворотилось
Отъ мрака къ свѣту;—вотъ съ молитвой
Онъ принадеетъ слезно къ Богу;
Съ тѣхъ поръ—опъ словно какъ другой,
И сталъ на добрую дорогу;
Посмотрять люди!—опъ радивъ,
Книжитъ въ рукахъ его работа,
Воздержень сталъ и терпѣливъ,
Во всемъ порядокъ и забота;
На прибыль все ему пошло,
И счастье въ гору повезло!

«Не всякой дѣда поминаетъ,
И оставляетъ свой порокъ,
Трудомъ потерю замѣняетъ,
Себѣ и для другихъ въ урокъ;

Случаются сынки и впуки,
Какъ все имѣнье прокутять,
Сидятъ насупясь, склавши руки,
А слышишь: все судьбу винятъ.

ПАРФЕНЪ ПОРЯДОВЩИКЪ.

=

Пришла весна—и ручейки,
Въ подгорьяхъ дружно зашумѣли;
Лука, крутые бережки,
И озими зазеленѣли!
Лишь по глубокимъ бороздамъ,
Снѣгли снѣги зимовые;
Проселки, по густымъ борамъ,
Пути, дороги столбовья,
Просохнули отъ ветерковъ.
Въ семьѣ у мирныхъ стариковъ
Идутъ заботливыя рѣчи:
»Пшеницы, ржи, овса и гречи,

»Вся были полны закромы,
»Теперь взгляните, отъ зимы
»Въ прокъ не осталось намъ и трети;
»Нора приготовляться—дѣти
»Для новыхъ полевыхъ работъ,
»Сама весна къ трудамъ зоветъ;
Не надо съ нуждой спознаваться,
Сказать отецъ;—нора собираться
Въ путь, на чужбину въ батраки!
Здѣсь мы—примотримъ старики,
Тарасъ и Фроль засѣютъ шивы,
Цеправятъ дружно сѣнокосъ,
Когда жъ поспѣетъ рожь, овесъ,
Сожмутъ невѣстки послушливы,
Церемолотимъ всей семьей;
Такъ пусть собирается меньшей,
Свою оставить молодую,
Узнаеть сторону чужую.

Поклонъ до пояса отцу!
 У молодойцы по лицу
 Горькихъ двѣ слезы скатились,
 И вылетѣлъ сердечный вздохъ;
 Парфену—въ душу заронились
 Любви и жалости въ залогъ.
 Покрывъ лицо румянецъ алой!
 Сжалъ сердце молодецъ удалой,
 Въ клятвѣ за котомкою идетъ.

Принесъ,—отецъ хлѣбъ - соль, дастъ,
 Мошонку съ мѣлкою монетой,
 Старинный, мѣдный образокъ,
 Мать,—собинку и згибенекъ, ⁽¹⁾
 Жена—рѣдинку съ красной лентой, ⁽²⁾

(1) *Собинка* — печеный колобокъ изъ особенной лучшей муки на маслѣ и сметанѣ.—*Згибенецъ*, пирожекъ въ видѣ згиба.

(2) *Рѣдинка*—чистый холстъ для утиранія лица.

Съ каймами два гвизда рубахъ; ⁽¹⁾
 Дѣдь,—лапти съ носкою суровой, ⁽²⁾
 А старшій братъ,—пошитникъ новой; ⁽³⁾
 Старушка съ посохомъ въ рукахъ
 Бредеть,—заветный узелочекъ
 Съ холстиннымъ ручникомъ дарить; ⁽⁴⁾
 И обнимая говоритъ:
 «Прости мой ясны соколочекъ!
 Пасъ, на чужбинѣ, не забудь!»

Нарфенъ срачился въ дальній путь,
 Ждалъ отъ отца благословенья,
 Дастъ Абросимъ наставленье:

(1) Въ гвиздѣ считается рубаха и порты, иногда называется *пара*.

(2) *Носкъ*—печасаная пенька, стебель на которой растетъ конопля.

(3) *Пошитникъ*—легкой кафтанъ безъ подкладки, тканой изъ шерсти и льну, пополамъ.

(4) *Ручникъ* или холстинникъ,—холстъ, для утиранія рукъ.

»Идешь служить чужимъ людямъ,
 »Радѣй имъ чистою душою,
 »До солнца пробужайся самъ,
 »А на труды летай стрѣлою;
 »Гони—съ загона ⁽¹⁾ злую лъвь!
 »А депешку на чорный день
 »Поберегай,—живи смиришь,
 »Не пей, не лги, за правду стой,
 »Вѣдь правда солнышка свѣтлѣе!

Парфень съ сердечной простотой,
 Родному въ ноги поклонился,
 За все душой благодарилъ;
 Со всей семьєю распростился,
 Отецъ его благословилъ!
 Пошелъ съ молитвой въ путь далекой,

(1) *Загонъ*, возвышеніе наподобіе грядъ, отведенное для работающихъ. Между загонами проводятся борозды для стока воды. Нѣсколько загонъ составляютъ *полюсу*.

Не разъ оглядывался онъ
 Къ своей подружкѣ одинокой;
 Ей низкою посылалъ поклонъ!

Идуть дорожный легкимъ шагомъ,
 Висредѣ проселочной тропой,
 Лужкомъ, лѣскомъ, глухимъ оврагомъ;
 И по дорогѣ столбовой
 Настигъ онъ дружныя артели,
 Спросить:—далеколь полетѣли?
 »Идемъ работать и гулять,
 »Идемъ старушку ⁽¹⁾ поминать,
 Искать добычу заступами.«
 —Ребятунки!—и я бы съ вами!
 Часъ доброй! молвилъ пожилой,
 »Товарищамъ мы очень рады!«

(1) Такъ шутя называютъ глину.

—Какой вашъ промысль?—Ищемъ клады!
 У насъ добра за слоємъ слой. (1)
 —Такъ ваши мудрены науки?
 »Трудись, и кладъ придетъ самъ въ руки!
 Парфень смыкнулъ рѣчь земляка,
 Межъ тѣмъ въ артель говоръ дружный
 Какъ ключъ пагорный съ бережка,
 Шумить подъ гнѣною жемчужной!
 Одинъ лишь путникъ молодой,
 Шель молчаливо за артелью;
 Порою въ отдыхъ путевой,
 Онъ забавлялъ себя свирелью.

Пришли на коренной притинь:
 Въ Славянку,—мирное селенье;
 Гдѣ словно садъ густыхъ рябинъ;
 Растутъ, цвѣтутъ на удивленье;

(1) Глина лежитъ слоями.

Здѣсь быстрая Псва течеть,
Шумить подь вѣтромъ валь игривый,
Тамъ сойма легкая,—гальеть—
Летять орломъ!—Пловець счастливый
Родныя вѣсенки поеть,
Склонясь отважно надь кормою!
Туть барки тихою порою,
Какъ гуси сѣрые наливуть;
Здѣсь пристаць мастерамъ,—пріютъ,
Рабочихъ праздное гулянье,
Друзей и земляковъ свиданье.
Здѣсь крутъ Любимцевъ молодцовъ,
Здѣсь рядъ Цеговичанъ—храбрцовъ,
И Белорусцовъ суетливыхъ;
Толпа упрямыхъ Мосалей,
Ватага Кашиицевъ хвастливыхъ;
Гурьба могучихъ Осташей,
И Краснохолмцевъ говорливыхъ.
Празнолюбивая артель

Шумя, по бережку гуляетъ!
 Случится ль у дорожныхъ мѣль (1),
 Ихъ доброй маршантатъ ссузаетъ,
 Поручкой бирка, (2) да мѣлокъ,
 Расплатя осень, верный срокъ.
 Парфень раздумывалъ съ собою,
 Куда головку приклонить?
 И съ незнакомою семьею,
 Какъ будетъ время проводить?
 Гдѣ дожидать добра и счастья?
 Случится ль бурное несчастье,
 Въ чужомъ пріютѣ--горечь дымъ!
 Кто жь вѣсточку подастъ роднымъ?
 Придумалъ онъ идти въ науку,
 Гдѣ на подрядъ все мастера,
 И отдастъ Любимцамъ руку.

(1) Недостатокъ въ деньгахъ. *На мѣли сидитъ* значитъ *обезденежитьсь*.

(2) Малюшка съ зарубками или наметками для счета.

Пришла счастливая пора,
 Артель пристала на заводы;
 Тамъ глинъ матерья породы,
 И теривливы отъ дождей,
 Гончарка (1), старая сизовка, (2)
 Песчанка (3), красная (4), жировка (5),
 Тамъ рупаса (6) близь очестей (7),
 Песокъ, лесокъ. Пева предъ хатой,
 Хозяинъ смириной тароватой,
 И за раздѣлкой не томить.
 Съ согласья надъ ватагой дружной,
 Былъ въ старосты посаженъ Тить!
 Всемъ запаслись, и въ часть досужный,
 Пошли по гумнамъ, рупасамъ ,

-
- (1) Глина, мягкая въ работѣ кирпичей,
 (2) Стойкая отъ дождя.
 (3) стойкая отъ огня.
 (4 и 5) Родъ глины, тоже стойкой отъ огня.
 (6) Отрѣзь
 (7) Запасъ воды.

Пап на пары мастерамъ
По глазомѣру раздѣлили,
А жеребьи все утвердили,
При знакахъ межевыхъ тычинъ.

За дѣлежкомъ готовъ зачинъ, ⁽¹⁾
Предъ хатой чистота!—березки,
Рябичка, да пивякъ кругомъ,
Вездѣ разметены дорожки,
Вездѣ усыпано пескомъ,
Весь чинно мастера стояли,
Гостей почетныхъ ояцали,
Хозяинъ,—гости все идутъ,
Въ опрятный мастерской приютъ;
Священникъ за святой водою,
Сердца усердною мольбою,
Къ Творцу Небесному стремить!

(1) Праздникъ при началѣ работъ.

И помолясь, — гумно и глину,
 Все печи, мастеровъ къ зашну,
 Станки, — святой водой кропить!
 Рядъ — кирничей пестрѣлся новыхъ,
 Хозяинъ доброй три цѣлковыхъ
 Для счастья мастерамъ дарить!
 И дождь кропить! — идетъ примета:
 Знакъ счастья — будущаго лета.

Но въ хатѣ столъ уже накрытъ,
 На немъ хлѣбъ — соль, пироги огромный,
 Ростовскій окорокъ печеный,
 Лоточки паточныхъ жемковъ, ⁽¹⁾
 Вина судейка, — водки штофъ,
 Квасъ молодой, — хмельное пиво;
 А Титъ съ волнистой бородой,
 Со всей артелью круговой,

(1) Родъ пряниковъ.

Гостей всѣхъ подчивалъ учтиво!
 Заводу честь и похвала,
 Шумить зачину поздравленье;
 Летасть радость вокругъ стола,
 Хозяину благодаренье.

Столъ кончился,—всѣ на дужокъ,
 А удалые изъ артели,
 Всѣ предъ хозяйномъ въ кружокъ;
 Парфень играеть на свирѣди:

»Не кукуй часто, ты кукушечка,
 »Скучно—жалобно во сыромъ бору!
 »Грустной пѣсенкой—ты залѣтная,
 »Не тревожь сердце одинокое!
 »Не тоскуй моя свѣтъ-подруженька,
 »Въ свѣтлой горенкѣ подъ окошечкомъ;
 »Не суши ты грудь бѣлоснѣжную,
 »Злой кручиною по милымъ дружкѣ,
 »Вѣдь не на вѣкъ ты съ нимъ разсталася,

«До коротких дней темной осени!
«Молодой снежок порохить начнет,
«Твой сердечный друг придет к
тебе.

Тут заиграли в балалайки,
Завели песни под рожки,
Предь латой на цветной лужайке,
Вь ладь застучали каблучки,
И молодецкой свисть раздавался!
Пошло гулянье, радость смехъ,
И перелетный шумь потехъ,
Далеко полемъ раздавался!
Приходит вечерь, — и туманъ
Лука и рожи застилаетъ;
Стада шума идутъ съ полянь,
И сельской праздникъ затихаетъ,
Хмельекъ укладъ всехъ на покой.

Проснулись утренней порой,
 Тутъ мастера все съ застухами,
 Равняютъ кочки,—козлы, ⁽¹⁾
 На гумнахъ сильными руками,
 Свои счастливые нан
 Уладили;—станокъ дубовой,
 Забвгаль на работъ новой!
 Тамъ стлани, ⁽²⁾ тамъ козлы, ⁽³⁾ бруски, ⁽⁴⁾
 Вездъ растутъ и прибываютъ!
 Весь дугъ трудами оживлещъ,
 Вездъ лишь пѣсни расцвѣвають.

Кудравый повничокъ Парфень,
 Какъ муравей трудолюбивый,
 Подъ свѣтлымъ небомъ работаль,

(1) Бусорки и рытвинки.

(2) Лежащій сырой кирпичъ.

(3) Поставленный ребромъ одинъ на другой.

(4) Рядъ кирпичей, укладенный для обжиганія.

Въ трудахъ усталости не зналъ;
 Довольный участью счастливой,
 Искалъ себѣ трудами кладъ;
 Но дни невидимо летятъ;
 Уносятъ красоты съ собою!
 Простились съ лѣтомъ и весною,
 Пошли дожди перепадать;
 Уже Сентябрь нахмурилъ брови!
 И пастушокъ, пѣвецъ любви,
 Переставалъ въ свирѣль играть;
 Конецъ работамъ!—полны юмы, ⁽¹⁾
 Забота лишь наводитъ думы,
 Срываютъ ветры—крыши съ груди!
 И частый дождь несчастный, бурный,
 Порою губить лѣтній трудъ!
 Дни разгулялись,—свѣтъ лазурный

(1) Груды, въ которыхъ стенками складено нѣсколько рядовъ обжигаемыхъ кирпичей.

Украсилъ весь небесный сводъ,
И дышетъ радостью народъ.
Туть за труды идетъ награда!
Парфень трудомъ добился клада,
Поклонъ ватагъ отдасть.

Октябрь нависнулъ ночью темной,
И ветры бурные свистятъ,
Запорошилъ снѣжкомъ холодный,
Покрывъ пути и листопадъ!
Тогда артели все съ сумами,
Какъ будто журавли стадами,
На родину свою сивнать!
Верста мелькаетъ за верстою;
Все по дорогѣ столбовой,
Идутъ съ веселою душой!

Парфень простясь свернулъ тропюю,
Одинъ пошелъ домой лѣскомъ,

Прошелъ овраги,—видитъ домъ
 Родной,—и лишу въковую,
 Высокой оцвиль,—и съ ведромъ—
 Свою подругу молодую!
 Ему давно знакомъ сей слѣдъ,
 Забилось сердце!—Ясный свѣтъ
 Отъ радости переизмѣнлся!
 Лишь гибкой оцвиль наклонился,
 За чистой ключевой водой,
 У Тани, будто предъ бѣдой
 Вдругъ сердце вѣще запыло,
 И оцвиль ⁽¹⁾ вырвался изъ рукъ!
 Ее встревожилъ скрипъ и стукъ!
 Отъ ужаса лицо закрыла,
 Не вѣдала, что будетъ съ ней;

(1) *Оцвиль*, тонкая жердь, сделанная на перевѣсь въ развилкѣ-
 томъ столбѣ у колодезя; съ одной стороны ея навязывается тя-
 гость, а съ другой канатъ, или шесть съ бадьею или ведромъ.

Дорожный будто чародѣй
Въ минуту горькую явился,
Ея боязни удивился,
Спросилъ: что сдѣлалось съ тобой?
Татьяна съ робостью взглянула,
Узнала путника,—вздыхнула,
И вскрикнула: желанной мой!
Любезный, снзый голубчикъ!
Который легкой вѣтерочикъ
Тебя принесъ?—Родная мать,
И братья милаго встрѣчаютъ,
Старушка, снохи окружаютъ,
Отецъ и дѣдъ снзвннть обнять.

Забота, будто привидѣнье,
Исчезла,—горе утекло;
Настала радость, утѣшенье,
И сердце снова разцвѣло.

СОФРОНЪ УДАЛЬЦОВЪ.

Софронъ Гурьяновичъ Удалицовъ,
Ходилъ по рынку съ калачами;
Боляръ и молодыхъ кушцовъ
Смѣшилъ шутливыми рѣчами!
Онъ накопилъ сотни двѣ рублей,
Онъ вѣрилъ въ корабли
Софрону счастьемъ послужили;
Простая съ липовымъ лоткомъ,
Заторговалъ и сбитенькомъ,
Горячій съ похвалою пили.
Нашлись пріятели, друзья,
Софронъ завелъ и полливную;

Пошла копейка въ круговую,
Нивцо клубилось чрезъ края!

Софронъ Гурьянычъ оперился,
И вотъ землякъ позагулялъ,
Онъ ёлкинъ на притинѣ снялъ,
Туда и жить переселился,
Пошла битка, щелкая въ конѣ! (1)
И денешка со всехъ сторонъ
Къ Софрону дружно покати́лась.

Уже Гурьянычъ сталъ кушомъ,
Защеголять онъ молодцомъ,
И жизнь его переменялась;
Усы и бороду скосилъ,
Шпидли, фракы заносилъ,

(1) Поговорка взятая отъ сельской игры; значить: пошла во
всеми удача.

Въ богатой росинской коляскѣ,
На рьяныхъ мчится вороныхъ;
Жену вскружила честь и слава;
Фетинья Карювца, какъ пава,
Гуляетъ въ платьяхъ дорогихъ!
Детей—Фон-Штрикль учить стала пляскѣ,
Но модѣ прыгать, денетать,
Богъ знаетъ, на какую стать!
Все у Софронюшки киньло;
Грѣшно судить чужое дѣло,
Довольно вздать и себя,
Но я, Гурьяныча любя,
Пою, другимъ въ остереженье.

Софронь купишь себѣ имѣнье,
Да не расчелся съ кошелькомъ;
Давай огромный строить домъ;
Пошла у молодца постройка!
Этажъ готовъ, другой растетъ

По голосъ жалобно поеть:
«Софронъ Гурьянович!—постояка!
Куда снѣшишь? не упади,
Вѣдь что то странно впереди!»
Софронъ, знай стронть, да не тужить;
Ему займами дружба служить;
Туть полетѣли вексельки,
Какъ за ищевичкой голубки,
И на бѣду попали въ сѣтку!
Растуть проценты, близокъ срокъ,
Софропушка!—готовъ раздѣлку,
Съ гнѣзда цыплятокъ и пастѣдку!
А денегъ нѣтъ,—ступай самъ въ клетку,
Прощай наряды и домокъ!

Съ двора коляска укатилась,
Лонадокъ—домовой прогналъ,
Знать шерсть ему не полюбилась;
Затихъ и танецъ!—Штрикъ пропалъ!

Софронъ узналъ свою ошибку,
Что чудо - золотую рыбку
Изъ рукъ своихъ онъ упустилъ!
Гурьяныча чакрылю горе!
Но горю нечемъ пособить,
Уже трудненько изловить
Златую рыбку въ снѣгѣ морѣ!
Друзья, какъ весеніе грачи,
Всѣ разлетѣлись и забыли;
И межъ собою говорили:
За чѣмъ не пошлѣ калачи?

РАСКЛАДКА ОБРОКА.

=

Съ концомъ работы полевья,
Съ полось посьвы свезены,
На отдыхъ шивы золотья!
Огонь погасъ въ овинахъ,—дыны
Переколочены, взматы,
Засѣки полны всѣхъ сѣмянъ,
Травою запаслись съ полянъ,
Крестьяне прибылью богаты!
Отвага по селу поеть,
Шумить радушное веселье;
Кто исправляетъ новоселье;
Кто—дочку замужъ отдаетъ,

А кто на радость сына женить;
 Старикъ въ братнигъ пиво пивить,
 Всѣхъ угощаетъ на повалъ!

Уже Ноябрь забушевалъ;
 Настали вьюги и метели,
 Вороны подъ застрѣхи сѣли,
 Затихъ крикъ галокъ и сорокъ;
 Поеть лишь мельникъ на крылаткъ (1)
 Вдругъ вѣсть отъ барина: — оброкъ!
 Десятевой повѣстидь къ раскладкъ,
 Крестьяне позднимъ вечеркомъ,
 Собрались дружно, съ огонькомъ—
 Лучина на свѣтцѣ пылаеть!
 Въ углу переднемъ засѣдаетъ
 Лукьянычъ, староста съдой,
 Напротивъ писарь молодой,

(1) Такъ называется мельница по крыльямъ.

А за столомъ - те, будто совы,
Насупась богачи сидять,
Все потихоньку говорятъ,
Недобрые смышляють ковы!

Филать, изъ подь гусьихъ бровей,
Смотреть на всѣхъ мирскихъ людей,
Сказаль имъ: — наступили сроки!
Готовте подати, оброки,
И недоимки господамъ,
Вершеи раскладывайте сборы.
Туть поднялись переговоры
У мироудовъ по скамьямъ;
Известны души по селенью;
По моему простому мненью,
На всѣхъ бы ровно разложить,
Даль голосъ Гурь.— Иснарвить,
Да и неслушать отговорки,
А денегъ нѣтъ,—то за коробки,

*

Бѣда и денежку родить!
Примолвилъ кривоногой Тить.

«Не что тамъ,—женскіе наряды,
Годами наизты, трудомъ,
Ночь не спалось съ веретеномъ,
Рукъ не жалѣли для отрады!
Быть можетъ тамъ заветный даръ,
Ужель вести все на базаръ?
Въ чемъ красоваться въ праздникъ сель-
ской?»
Такъ молвилъ тихо мирной земской.

—Ну, такъ—лошадокъ изъ дуги!
Давай, иль барскіе долги
Налягутъ на мірекую шею;
Я на себя нашу и стю,
И за себя оброкъ плачу,
А добавлять еще оброка

Я за сосѣдовъ не хочу!—
Прикрикивалъ усатый Фока.

На рѣчи возразилъ Тарасъ:
«У бѣдныхъ покривилась доля!
Въ заѣбахъ пусто, а у васъ
Жилы, какъ барскіе хоромы!
Защиткомъ Богъ благословилъ!
Стучать въ двѣнадцать молотилъ;
Всю осень зерна выбивали!
Не грѣхъ помочь?—Всѣ замолчали.
Погладя бороду—Филатъ
Сказалъ: Перовенъ ванъ раскладъ,
Инымъ то други не подѣсплу;
Въ примѣръ взгляните на Вавилу!
Старикъ семидесяти лѣтъ,
А бѣдный—сыновей лишился;
Шестъ внуковъ, а подростковъ пять,
Съ печали самъ чуть не свалился!

Съ кѣмъ было въ полѣ работать?
А вы придумали равнять
Сиротъ, да бѣдняковъ съ собою?
Итъ, Христіане, вы съ душою,
Такъ поусердствуйте добромъ.

Заплатимъ міромъ, чѣмъ пуждаться;
Растутъ ребята, - подождемъ,
Пока -они намъ пригодятся;
Сквозь зубы мельять Циканоръ.

Въ груди Филата закипѣло,
Сказалъ онъ:—Статочное дѣло!
А мы свой справимъ приговоръ:
Чтобъ съ Тита, Циканора, съ Фоки,
Собрать за бѣдняковъ—оброки,
Да на годъ, на господской дворъ,
На барщину, пусть ходять лѣтомъ!—
»Вѣдь мы дойдемъ и до господъ!

А тамъ увидимъ, чья возьметъ?
 —Ступайте! я готовъ съ отвѣтомъ,
 Но былъ бы завтра здѣсь оброкъ!
 Ниши-ка парень имъ въ урокъ,
 Какъ Богъ велитъ; —безъ понаровки!
 Вотъ вамъ лошади и коробки!—
 Ошибши тутъ богачи,
 И притулились, какъ сычи!
 Глядь... дружно руки приложили
 На приговоръ старики;
 Съ поклономъ низкимъ бѣдняки
 Лукьяныча благодарили!

Счастливы,—кто отъ своихъ работъ,
 Сосѣду въ нуждѣ помогасть,
 И бѣдныхъ горемыкъ—сиротъ,
 Отъ наговоровъ охраняетъ!
 Злой умыселъ лихихъ людей

Въ свои же попадется сѣти;
Нагрянетъ туча бурныхъ дней,
Разрушить дома ихъ—и клятн!

СПбГУ

БЕСѢДА ПОСЕЛЯЦЪ.

=

Во время лѣтняго досуга,
Сосѣды мирные—три друга,
Иванъ, Кузьма и Парамонъ,
Соплился подъ зеленый кленъ,
Про дни былые толковали:
Какъ дружно жили, работали,
Въ чемъ красовались, гдѣ гуляли
Въ досуги праздною порой?
»Бывало, красною весной,
На лугъ ребята молодые
Веселой высьнилютъ гурьбой;
Тамъ соберутся удалые,

Затѣять игры: въ городки,
Въ шары,—и мѣткія битки
Какъ вихри на лету свистѣли!
Глядишь,—охотники борцы,
Кто въ одно-ручку, кто въ охабку,
Кругами ходятъ молодцы;
Проворной парень на хватку
Береть обманомъ сидача,
Какъ пошу тѣлкую съ плеча
Удачно сбросить!—Тутъ красотки,
Какъ пестры бабочки летятъ;
На радость вьютъ косоплетки, (1)
Дары услужливыхъ ребятъ!
Грудь украшало ожерелье,
На рукавахъ узоръ цветной;
Съ кистями поясъ шерстяной,

(1) Ленты, вплетенныя въ косу.

Дѣвицъ разумныхъ рукодѣль,
А на невѣсткахъ молодыхъ,
Ткань чистая трудовъ своихъ;
Поневы съ клетчатой каймою,
На кичькахъ (1) вышитой паметь,
И подзатыльникъ съ бахрамою
Унизанъ бисеромъ!—И вотъ
Полугу дѣвицы,—молодки,
Какъ неваглядныя лебедки,
Походкой скромной въ рядъ идутъ;
Про мать, свекровь, дѣвичью долю,
И про замузничью неволю
На голосъ жалобной поютъ!

Прошли любимыя забавы!
Ипать, погладя усь, сказалъ,

(1) Живской головной уборъ.

Про молодцевъ недоброй славы,
Никто вѣдь братцы не слыхалъ,
Мы жили, какъ родные други!—
«Да, седной тряхнувъ Кузьма
Заговорилъ:—придетъ зима,
Морезъ трещить!—завоюютъ выюги!
А мы бывало въ дальний путь,
Въ Москву, въ Орелъ — ружей махнутъ!
Въ извозъ пустякъ — вездѣ бывали,
Чего въ дорогѣ не видали?
Знакомый путь со всѣхъ сторонъ;
Обозъ ли тается? въ обгонъ,
Къ лошадамъ сами на пристяжку;
Глядишь,—махнемъ впередъ упряжку,
А харчевали за одно;
Обѣдъ нашъ щи и толокно,
Сухарь,—да дѣдовская тюря;
За то, для насъ морозъ и буря,
Казались на пути игрой!

И въ зиму съ помощью святой
Лосинникъ ⁽¹⁾ понабьемъ—рублями,
Прокормимъ коней,—сыти сами,
А старикамъ за насъ—поклонъ!»
—Эхъ други!—молвилъ Парамонъ,
Теперь не тѣ мы видимъ правы;
Понабрался честной народъ
Заморской дурн!—Все идетъ
На ладъ иной; не тѣ забавы,
Не тѣ наряды.—Старики
Давать потачку дѣтямъ стали,
Молодчики позагуляли,
Бородки сбрили,—тьма затѣй!
Въ карманахъ, отъ часу пустѣй,
И въ нашей сторопъ Рязанской,
Полу-степные мужики,

(1) Кошель изъ олсвѣей кожи.

Какой-то полюбили Ханской! ⁽¹⁾
 Американской ⁽²⁾ сталь съ руки!
 Вся молодежь въ чаду гуляетъ,
 Здоровье съ лицъ согналъ табакъ;
 На поле за сохой—батракъ
 Не съ пѣсней ходитъ, дымъ глотаетъ—
 Безъ совѣти и безъ стыда!
 Придетъ на службу череда,
 Въ зубахъ уельинишь недочеты!
 Мирскія траты и заботы,
 Гдѣ исправлять? гдѣ хлонотать?
 Придется грѣхъ свой поминать!
 Когда жь прикатятъ вдругъ морозы,
 Наохлятея, какъ пѣтухи!
 И не работа съ шми,—слезы!
 А все за чайные грѣхи;

(1) Названіе отборнаго чая.

(2) Лучшій курительный табакъ.

Да и дѣвицы-то въ отличьки,
 Нестрять себя; забыли *мыльки*, ⁽¹⁾
 Шитье веселое въ узоръ;
 Певѣстки побросали кичьки,
Сороки, ⁽²⁾ бисерной подзоръ,
 Понёвы съ прошиванъ, ⁽³⁾ оборки,
 Нагрудникъ—радужный, цвѣтной;
 Посмотришь,—ситцы, да пабойки,
 Пошли на чужой покрой,
 Гуляютъ будто не родныя!
 Коробки наши въковыя
 Въ клеткахъ небрежно стоятъ,
 Труды домашніе скудуютъ!—
 »Такъ чтоже?—возразилъ Шватъ,
 За то кунцы вѣдь богатуютъ!

(1) Пачка льну, приготовленная для пряжи.

(2) Родъ платка, повязываемаго на кичку.

(3) Юбки со вставочными кланьями, для украшенія.

Безъ счету фабрикъ и свѣтлицъ;
Тамъ сельскихъ тысячи дѣвицъ
Князь за всякимъ рукодѣльемъ,
Работа кончится весельемъ,
Все переймутъ!»—Да что за статъ
Сказать Кузьма, — перенимать?
А забывать свое родное,
И стариками назнать,
Сорить по ветру, да мотать?
По нашей старинѣ крестьянской,
За Ханской и Американской,
Парнямъ бы надо баню дать;
Отцамъ удвоить наказанье!
Чтобъ знали квасъ, да сухари;
А то собьеть съ пути гулянье!—

Уже румяной свѣтъ зари
Въ вечернемъ кроется туманъ;

Затихло на цветной поляне,
Лишь свисть почтаго соловья,
Въ заветной рощѣ разливался,—
И дружной разговоръ прервался...
Съ поклономъ разошлись друзья.

К И Р И Ч И К И.

Съ восходомъ солнца по дороге,
Клубится пыль изъ подъ колесъ;
То все заводчики въ тревогъ,
Несутся въ городъ вздернувъ носъ!
Лошадокъ резвыхъ на арканы,
А сами роemъ въ расписной, (1)
Засяди въ свѣтлыя чуланы;
Тамъ чай, закуска; тамъ настой
Ихъ до отвала угощаютъ;
Межъ тѣмъ горячій грамотѣй,

(1) Такъ называютъ гостиницы.

Въ газетахъ дюжину статей
 Глазами быстро пробѣгаетъ;
 Нашолю подрядъ на кирничн!
 И во услышанье читаетъ;
 Разншевельнцесъ богачн.

Отъ раснненыхъ и отъ лабазовъ
 На торгъ торопнтся Пролазовъ,
 Бежитъ Юда, идетъ Вальковъ,
 А тутъ Метелкинъ, Коромысловъ;
 Тудажъ Плетюхинъ и Кнутовъ;
 Въ причотъ и Накля Кривосмысловъ,
 Отборныхъ—пять каррикатуръ:
 Гуськовъ, Сметковъ, Сверчковъ и Лычкннъ,
 Да Гуръ Савельевичъ Затычкннъ,
 Какъ тутъ—и Костромской амуръ,
 Надувшисъ, какъ петухъ пидбйской,
 Съ улыбкой масляной, Еврейской,
 Поклонъ собранью отдасть;

*

Темного выступа впередъ,
 Онь светлорусый чунь оправиль,
 Со счастьемъ общество поздравиль,
 Потому часы свои беретъ,
 И смотреть пристально на стрѣлки,
 И крикнувъ, сыидеть всемъ бездѣлки,
 И какъ встопниль на дворахъ,
 Онь ростея въ душкахъ дѣлахъ,
 Чужіе кошельки считасть.

Вдругъ голосъ къ торгу призываетъ;
 Столпидней въ стадо журавли!
 Шумять задорно межъ собою,
 Гдѣ бѣ кормъ клевать, а наши къ бою;
 Летятъ полтины, да рубли!
 Другъ—друга чисто оцпнали,
 А хвастаютъ: вѣдь наши взяли!

Эхъ! молодые щегольки,

Потише на торгахъ щиплитесь,
Почаще въ зеркало смотритеъ,
Свои щитайте кошельки;
Знавали Кариа Моргунова?
Онъ всѣхъ цѣдилъ,—пересмѣхалъ,
Тенерь онъ съ голосу уналъ,
Въ насмѣшку не промолвить слова,
Неслышно хохота въ кругу.
Пора проходить гулевалъ;
Какъ поприкметъ зима дихалъ,
Тогда и васъ согнетъ въ дугу.

ВОЛЫНКА.

Забавя сельская, волынка,
Лежала скромно у окна,
И какъ порожняя бутылка,
Въ кругу весельчаковъ она;
Но лишь игрокъ дуду надуеъ,
То потолствеъ, заворкуеъ,
Засвищеъ трели, загудитъ,
Загуловъ сельскихъ веселитъ.

Есть люди: схожи на вольнику,
Иной тряпье собиралъ по рынку,
Чужую пыль перебивалъ;
Другой бузою торговалъ,
Кто былъ хожалымъ штукатуромъ,
И щеголялъ въ кафтанъ смуромъ,
А кто потѣлъ надъ хомутомъ,
Кто горе мыкалъ съ долотомъ,
И всехъ ихъ бѣдность—въ ободъ гнула!
Вдругъ счастье отъ небесъ подуло,
Бѣдняжки стали богатѣть,
Наполнились, какъ съ медомъ кринки,
Надулись сѣсью, какъ вольники,
И стали гордостью гудѣть!

Похвально всякому трудиться,
И бѣдность въ мѣръ не порокъ;
Но худо въ счастья возноситься,
И носъ вздирать на потолокъ!

Ну, если счастье не подуеть,
В их парусинные мшки?
Тогда и гордость затоскуеть,
И роель зашумить смшки.

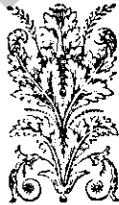

ВРЕМЯ.

=

Дни молодые пролетѣли,
Когда? и какъ?—я не видалъ;
Развилась кудри, посѣдѣли,
Румянецъ на щѣкахъ завалъ;
Рука лѣниво работаетъ,
Темнѣетъ взоръ мой, и зима
Морозомъ грудь мою пугаетъ!
Когда же срокъ придетъ, и тьма
Плоть бренную мою покроетъ;
Одна молва по временамъ
Какъ воронъ прокричитъ, а тамъ
И память въ вѣчности—потонетъ!

Такъ, жизнь на свѣтъ суета,
Сласть перемѣнена съ отравой;
Сонъ неразгаданный—мечта!
Украшена всельемъ, славой;
А время превратить все въ прахъ,
Испрочно счастье подъ луною;
Но твердый Вѣрою Святою
Найдеть блаженство въ небесахъ.

СТАРАЯ БЫЛКА

=

За Днѣпромъ было, въ славномъ Кіевѣ,
У заветнаго, у пріятеля,
На шру друзья веселился;
Изъ златыхъ ковшей шли сладкой медь,
И въ веселый часъ порасхвастались:
Кто конемъ своимъ, кто хоромами,
Кто охотничкимъ яснымъ соколомъ;
Удалой *Тіунъ* ⁽¹⁾ всѣхъ оспоривалъ,

(1) Такъ встарь назывались вельможи, давашіе судъ и расправу.

Онъ женой своею похваляется :
У меня жена свѣтъ—разумная,
Послушная, руководная,
За шитьемъ сидитъ до полу-ночи,
А меня прождетъ до бѣла свѣта!—
Тутъ насмѣшливо младъ боярской сынъ,
На его слова поперечиваетъ:
«Мысли женскія не разгаданы,
Добры молодцы нерасудны,
Красота — стѣна ненадежная,
Любовный глазъ — какъ стрѣлою бьетъ,
Подглядитъ кольцо обручальное....»
Замолчалъ Тушъ, призадумался,
Приказалъ съдлатъ ворона коня,
Не простаясь, летитъ къ дому соколомъ;
Лишь прѣвхалъ онъ на широкой дворъ,
У крылечушка, у дубоваго,
Въ горностаевой душегрѣчкѣ,

Съ рѣчью ласковой и привѣтливой
 Молода жена мужа встрѣтила!
 Но идетъ Тіунъ, будто темна ночь,
 Не отвѣтилъ ей словомъ ласковымъ;
 Тутъ красавица тихо молвила:
 «Отъ чего, мой другъ, такъ ты невеселъ?
 На нру ли кто раздосадывалъ,
 Иль отъ глазъ лихихъ что подылось?»
 — Ой жена моя!—грозный вымодвилъ,
 Какъ оса мою грудь ужалила!
 Сберегаси ли ты кольцо мое?
 Гдѣ кольцо мое обручальное?—
 Поблѣднѣла тутъ, будто бѣлый платъ,
 Затряслась жена черноокая,
 Отъ напраслины—сердце сжалось,
 Мысли ясныя замѣшался,
 На цѣтпой коверъ тяжело падаетъ!
 Ключъ—раскрылъ ларець перломутровый

Тамъ нашлось кольцо обручальное,
И заветной платъ, шелкомъ вышитой,
Но не стало лишь — друга милаго.

СПбГУ

39^й ГОДЪ.

==

Весною къ Невскимъ берегамъ,
Пристали дружно караваны,
Мосты живые по бортамъ,
Шатрами крылись балаганы,
И занестрѣлись — репейки! ⁽¹⁾
Тамъ на повѣткахъ ⁽²⁾ голубки,
Кружатся, бѣгають, воркуютъ!
Въ каютахъ свѣтлыхъ, расписныхъ,

(1) Резныя украшенія на мачтахъ.

(2) Пасъточки.

На чистыхъ лавочкахъ, рѣзныхъ,
 Друзья заветные шруютъ;
 Читають письма съ пристаней,
 Гдѣ урожай?—какія цѣны?
 И Петербургскихъ торгашей
 Прикидываютъ на безмяны!
 Кому продать, кому отказъ,
 Кому гдѣ надѣсть лабазъ
 Въ урочный срокъ субботнимъ сборомъ!
 И за пріятнымъ разговоромъ
 Безъ счету самоварной—пьютъ;
 Межъ тѣмъ все барочки плывутъ,
 Судами пристань заслонилась;
 Товаровъ тѣма у богачей!
 Цѣна на пизъ поворотилась, ⁽¹⁾
 Немного сулитъ барыней;
 Лишь появится покупатель,

(1) Поговорка торговыхъ людей: т. е. спала цѣна.

Купцами встрѣченъ, какъ пріятель,
 Подъ ручку взявъ, его ведутъ,
 Душистымъ чаемъ угощаютъ,
 Ему все сходно уступаютъ,
 И въ дальній срокъ закупаютъ.

Вдругъ вѣсти вихремъ надѣшли,
 Изъ городовъ, и съ пристаней!
 Что вокругъ Москвы, и вокругъ стѣнъ—
 Отъ зноя пшвы погорѣли!
 На все возвысилась цѣна!
 Все пробудились, какъ отъ сна,
 Пошли совѣты, разговоры,
 Тутъ поприкались *Повоторы*, ⁽¹⁾
 Позаершились—*Кимряки*;
 Стакнулись все,—и какъ быки

(1) Прозванія торговцевъ по роднѣ ихъ.

Вдругъ цѣны на рога подняли!
 Что день, то рубль растетъ на куль;
 Какъ выстрѣлы свинцовыхъ пуль
 Всѣхъ горожанъ понапугали!

И вотъ идутъ мялочники,
 А тамъ лабазники гурьбою,
 Кунить овса, крупы, муки,
 Кисы съ монетою золотою
 Какъ на показъ, въ рукахъ несутъ!
 Знакомцамъ съ ласковою честию
 Они поклоны отдаютъ;
 А—барошникъ, надувшись спѣсью,
 Какъ будто ихъ не узнаетъ,
 Фуражку на бокъ,—и впередъ...
 Прикащикъ мѣсто заступаетъ,
 Закручивая длинный усъ,
 Гнуся, на спросы отвѣчаетъ:
 На все перемѣнился курсъ!

У насъ сего дня—нѣтъ продажи!
 —Что за бѣда нашъ дорогой?
 Усачъ, оборотясь спиной,
 Ворчитъ:—провали хлѣбы!—лажи!
 —Вѣдь здѣсь не степь, а Петербургъ!
 Быть можетъ и напрасный слухъ
 Сюда навѣялъ, будто сору!
 Такъ говорили земляки;
 Межъ тѣмъ цѣна все лезетъ въ гору,
 Сквозь слезъ вздыхали бѣдняки!

Къ чему кручиниться родные?
 У насъ здѣсь благодатный край;
 И скоро милости благія
 Прольетъ Отецъ нашъ Николай!
 Волненіе лажа прекратится,
 Число мѣшаль убудетъ въ мигъ;
 Не будетъ больше богатиться
 На счетъ убогихъ ростовщикъ;

А если цѣну онъ подыметъ,
И бѣдняковъ введетъ въ изьянъ,
То правосудіе накинеть,—
На лихоимца свой арканъ.

О Т Ч Е Т Ъ

ВЪ ТРИЦАТИ ОСЬМИ ЛѢТНЕМЪ МОЕМЪ
ТОРГОВОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

=

Сначала былъ мой капиталъ,
Лишь только на полпуда груши,
Лотокъ, безмѣнь себя досталъ,
Пустился въ торгъ; не бить баклуши;
Сухая грушица въ горшокъ;
Сварилъ ее, да на лотокъ,
И съ ней по улицамъ носился;
Да грушу припѣвать учился;
Счастливыи день открылъ мнѣ путь,
Корысть прибавила отваги,

Пустился въ торгъ, не какъ нибудъ;
 Книжки съ грушей двѣ корчаги,
 Пасыналь мой лотокъ въ окать,
 Пошелъ я потчивать солдатъ;
 Мое варенье полюбили,
 И земляки живой рукой
 Весь мой товарецъ раскупили!
 И такъ, я съ грушей дорогой,
 Съ весны, до осени бурливой,
 Похаживалъ, какъ конь ретивой,
 Ни въ чемъ усталости не зналъ,
 Похваливалъ, — да прини́валъ.

Къ зимѣ взвозилася копейка,
 Въ моемъ досиномъ кошелькѣ;
 Да только дума чародѣйка,
 Забыть велѣла объ лоткѣ;
 Я спалъ и видѣлъ—снять лавчонку,
 Казалось мнѣ, найду въ ней кладъ;

А прибыли, кто здѣсь не радъ?
Любилъ я Певскую сторонку,
И домикъ у мосточка тамъ;
Не трати время по пустому,
Въ слободкѣ спялъ,—и поругамъ;—
Съ хозяйкой, да поклонъ Пахому;
Онъ былъ и плотникъ и столяръ,
И за цѣлковичекъ, да чарку,
Онъ все уладилъ по порядку.
Есть полки: запасай товаръ;
Запасъ я ленточки, шнурочки,
И ложки, плошки и горшочки,
Тесемки, разныхъ мелочей,
И огородныхъ овощей,
И разныхъ крупъ въ полу-мѣшечкахъ,
Горохъ и солода въ кудечкахъ,
Все размѣстилъ и обрядилъ,
Въ часъ доброй лавку отворилъ,
И жду гостей, сталъ за вѣсками;

Идутъ ко мнѣ за сухарями,
 Кто за канустой, за медкомъ,
 А прихотливыя старушки,
 За кофейкомъ и сахаркомъ,
 Бредутъ кунить по пол-осмушки,
 На грошъ цукорно, клейку,
 А кто на пятачокъ - чайку;
 Ко мнѣ весь край оборотился,
 И за отвагу полюбился,
 Я на походецъ не скупился;
 За то соседъ мой волкомъ злился,
 И зубы на меня точилъ.

Однажды поздними часами,
 Собрался я свести рашеть,
 Каковъ то лавочной доходъ?
 Стыкнулъ—что чуть концы съ концами!
 На память груша мнѣ пришла,
 И съ ней привольное гулянье,

На сердце скука палегла,
И походило на роптанье!
Но горевать я не любилъ.
Прошло за полночь,—все забылъ.
Проснулся утренней зарею,
Надежда укрѣпила грудь;
Подумалъ:—Съ помощью святою,
Пайду себѣ счастливой путь!
Межь тѣмъ работой призанялся,
Старушкамъ угодить старался;
И такъ промаялся я—годъ,
А не подвинулся впередъ;
Тогда ужъ загрустили душою.

Гляжу—вечернею порою,
Идетъ—лихой сосѣдъ къ дверямъ,
Съ осанкой гордой и сѣсивой,
Мнѣ молвилъ:—Рады ли гостямъ?
Я встрѣтилъ съ ласкою учтивой,

Просилъ пріютъ мой посѣтить,
Чѣмъ могъ, старался угостить;
А онъ—на все тутъ любовался,
Казалось, будто удивлялся;
И намекалъ издалека
Что мнѣ въ слободѣ не ужиться!
Я вонялъ рѣчи земляка,
И думалъ худо съ волкомъ биться!
Надежнѣе мѣсто уступить,
Да дальше дырки наострить.

«Сказать: коль по сердцу владыне,
Сними сосѣдъ!—Охотно дамъ,
Товарь ты применишь по цѣнамъ,
Да сотню дашь за заведенье,
Чѣмъ постороннихъ допускать.»
Сосѣдъ заморщился, скривился,
Сталъ торговаться и пугать;
Какъ ни хитрилъ, какъ ни ершился,

Хлопъ по рукамъ, перекрестясь,
И дѣло въ ходъ, и съ плечъ забота,
Сбивать сосѣдей не охота;
Трудненько денешка далась!

Не унывалаго десятка,
Бывалъ я съ молоду друзья;
Махнулъ, какъ рѣзвая лошадка,
Однѣ въ Пѣмецкіе края;
Не думайте, не за границы,
По верстѣ двѣнадцать отъ Столицы,
Противъ Рыбачей слободы,
Гдѣ дома—дачами, сады—
Весной и лѣтомъ зеленѣли,
А жители въ поляхъ книгѣли
За пашнями, какъ муравьи!
На трехъ верстахъ одно селенье,
Вдоль по крутому бережку;
Близъ кирки ветхое строенье,

То лавка,—тляла на боку,
 Подъ дряхлой кровлею дремала,
 Меня какъ будто дождала.

Тогда былъ Шульцемъ Климанъ Штернъ,
 Онъ мнѣ сказалъ:—знай лавка *керь!*
 Избушка худъ! —но ты не бойся,
 Здѣсь будетъ гликъ! Ты заготовся,
 Табакъ побольше, кофе, *лихтъ*,
 Продай на дешьга, *шудилхъ нихтъ*
 Живи ты безъ аренда,—даромъ,
 Расходъ большой поидеть товарамъ!
 По сердцу пробьжалъ восторгъ,
 Шульць подалъ руку; знакъ почтенья,
 Благодаря его, какъ могъ,
 Я обошелъ вокругъ строенья,
 Смекнулъ, и радуясь душой,
 Какъ на крылахъ —летѣлъ домой!

Всю ночь продумалъ я съ подушкой:
Какъ мнѣ съ Нѣмецкою старушкой
Крутую зиму зимовать?
Какъ привыкать? какъ поправлять?
Къ ручью стѣнами наклонилась,
А крыша вся развѣстилась;
Шесть путныхъ оконъ, ни дверей,
Вздремнулъ немного,—и скорѣй,
Досталъ я бревенъ, тесу, глины,
Двухъ плотниковъ и печника,
И три удалые дѣтны
Покрыли крышу, а бока
Скрѣпили бревнами, какъ спова,
Строенье справилъ;—печь готова,
И лавочка вся разцвѣла!
Вездѣ узорные шпалеры,
Вѣски какъ золото!—а мѣры,
Свѣтѣли, будто серебро!
Рядъ ящиковъ на полкѣ, чайныхъ,

Чай, кофій въ баночкахъ стеклянныхъ,
 А порторико—на ребро,
 Уставлены все для принасы;
 Жемки, орѣшки съ леденцомъ,
 И баргамотной подъ свинцомъ,
 На вырочки!—А тамъ принасы:
 Мука, крупа, горохъ, пшево,
 Селедки, солодь, толокно;
 У стѣнки квасъ шумѣль въ бочекѣ,
 А сахару безъ фунта нудь,
 И то въ кускахъ; что было тутъ,
 Привезъ на Муромской влячекѣ!

Такъ въ день воскресный,—гулевой,
 Открыль я лавку; тутъ мамзели,
 Мадамы дюжія,—какъ рой
 Ко мнѣ за лакомствомъ летѣли,
 А тамъ—камрады на отборъ,
 Шумѣль межъ ними разговоръ:

*Унзеръ ней кремеръ — истъ ейнъ прехти-
херъ маннъ!*

Хатъ филе варе!—ундъ истъ рейхъ!

Не зналъ я, что тутъ говорили,

Меня бранили, нль хвалили?

Но послѣ я уже узналъ,

Ихъ похвалу въ мою отраду,

Гостей по Рускому обряду,

Съ привѣтной лаской угощать.

Прошла зима, прошли морозы,

Зазелѣла мурава,

И заструилася Пева!

Подъ парусами перевозки

Летѣли по крутымъ валамъ!

Гляжу: отважная Мадамъ, —

Какъ бѣлоснѣжная лебедка,

Одна чрезъ быструю плыла;

Между валовъ ныряла лодка,

И слушаясь ея весла—
 Носилась чрезъ валы съдья;
 Вилась ленты голубья
 Вкругъ шапочки ея цвѣтной!—
 Отвага въ сердце загорѣлась,
 Въ груди моеи вскинула смѣлость;
 Какъ не знакомится съ Невой!
 Достать я лодку, веслы, лейку,
 Сшить тонкой парусецъ — и самъ,
 Готовъ услуживать гостямъ,
 Да зашибать себѣ копѣйку.

Сосѣдь мой близкій Яковъ Штро,
 Радущій Нѣмецъ, откровенный,
 Товарищъ въ нуждѣ неизмѣнный,
 Нерѣдко дѣлалъ мнѣ добро;
 Камрадъ веселой, умный, зоркой,
 Меня онъ скоро разгадалъ;
 Привычной шуткой, поговоркой—

Намки добрые давалъ:
Кого не знать, кого держаться,
И гдѣ рублями позаняться;
Быль Брейнеръ, Далингеръ и Штро,
Штейнмиллеръ младшій, Готлибъ Ро;
Ихъ сундуки другихъ полнѣ!
Давай знакомиться скорѣ;
У нихъ я началъ занимать;
Да все товары закупать;
Завелъ я круглую уплату,
У Карла взялъ, платилъ Филату,
Филатовы—носили Омъ;
А Омшны пошли къ Андрею,
Андревы—песлись къ Матвѣю,
А Карловъ срокъ держалъ въ умѣ.
Уже камрады догадались,
Какъ я работалъ ихъ займомъ;
Зайдя въ прогулку, вечеркомъ,
Разговорясь со мной, смѣялись!

Но вѣрность я любилъ хранить,
На срокъ занять, и въ срокъ платить,
За то и не было отказа;
Укоромъ не кололи глаза.

И въ годъ мнѣ восемь сотъ рублей
Послалъ Создатель за работу;
А рубль отъкроетъ сто мыслей,
Придастъ и смѣлость и охоту;
Тутъ съ родины моя жена, —
Ко мнѣ на радость прикатила,
Душой усердствуя, она
Со мной всегда труды дѣлила,
Тогда я сшилъ ей сарафанъ,
Да ситцевой шугай съ фалборкой,
Себѣ изъ спорочковъ кафтанъ,
И шляпу новую съ бархоткой,
Всѣмъ любовались, какъ находкой.

Второй счастливо прожилъ годъ,
И мой удвоился доходъ;
Поладилъ съ языкомъ Нѣмецкимъ,
Тутъ за товаромъ рыбаки,
Ко мнѣ летать изъ за рѣки,
За то и прозванъ я *Зарыцкимъ*.
Такъ прокатило восемь лѣтъ,
Спокойной жизни межъ камрадовъ,
Любилъ я ихъ, какъ будто братьевъ,
Но прочнаго на свѣтъ нѣтъ:
Глядишь . . . все время измѣняется!
Одно цвѣтеть,—то исчезаетъ!
Мои камрады—добряки—
Кто одряхлѣлъ, кто въ вѣчность скрылся!
Остались внуки и сынки,
Но весь порядокъ измѣнился!
Любили хвастать, поболтать,
Все молодежь,—заботы мало,
А слово честное держать,

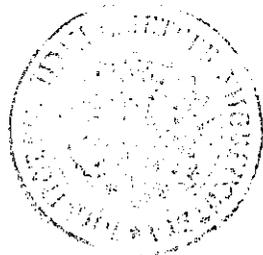
*

Тогда на мысль не припадало;
Пошелъ грустя я къ рыбакамъ,
Искать приюта за рѣкою,
А къ Ивцамъ охладѣлъ душою!—
Еще спасибо старикамъ,—
Что награжденъ былъ аттестатомъ,
Почтенъ отдавъ всемъ камрадамъ,
И чрезъ хрустальной мостъ Невы,
Трескучей и крутой зимою—
Перебирался я съ семьею;
Въ ту пору, какъ изъ подъ Москвы,—
Враговъ,— штыки, морозы гнали,
Картечи, сабли,— Козаки—
Гостей нежданыхъ провожали!

Я перешелъ изъ за рѣки;
Всѣ жители, какъ бы родные,
И старые и молодые
Въ селѣ обрадовались мнѣ,

И я на Русской сторонѣ!
 Но снова принужденъ учиться,
 И азбучный твердить урокъ;
 Уметь съ кѣмъ пужно подружиться,
 Дѣла свои устроить въ прокъ.
 Здѣсь склоны все люди по заводамъ;
 Чернорабочихъ, судовыхъ,
 Принасовъ тѣма идетъ для нихъ;
 Старанье—пусть найдетъ къ доходамъ,
 Держи всѣ въ рукахъ верный,
 Товары продавай сходящій,
 Будь честенъ, не дружись съ обманомъ,
 И заквеси въ селеніи—наномъ!

Все учредилъ я.... вдругъ съ грозой
 Падла туча надо мной,
 И надолго пошли туманы!
 На вѣкъ простился я съ женой;
 Товары нанесли изьяны!

Какъ ключь на дно, мои долги!
И видѣль—гибло все имѣнье!
Мои сядьльцы—какъ враги,
Грубили мнѣ—забывъ почтенье;
И на бѣду отъ злыхъ людей —
Худые слухи разносились;
Туть—къ умноженью черныхъ дней —
Мнѣ отпуски остановились,
И душу придавить свинець!
А друга не было со мною;
Надеждой былъ лишь мой Творецъ!
Къ Нему я прибѣгалъ съ мольбою;
Въ бѣдахъ моихъ Онъ помогалъ,
И тучи грозныя отпалъ;
Къ Нему я припадалъ спротивъ;
Господь невидимо хранилъ!

Явился другъ съ душою кроткой,
Меня онъ сердцемъ полюбилъ,

И Благодаритель безъ упрека,
Не пазначая платы срока,
Товаръ мнѣ сходно отпускалъ,
Росинска на пріемъ простая,
Что я за свято почиталъ,
Ему ни въ чемъ не измѣнялъ;
То былъ мой Терликовъ почтешный!
Второй по немъ—какъ кровный братъ
Федуркинъ—слову неизмѣнный,
И въ дружбѣ будто—адамантъ! —

Еще Господь явилъ щедроту:
Онъ далъ мнѣ къ пѣнью даръ простои,
И пѣль я сельскую работу,
И радость жизни полевой,
И люди добрые хвалили,
Простыя пѣсни полюбили,
Пошла по свѣту пѣснь моя—
И много пользы видѣлъ я!....

Простите, я заговорился,
 Съ рассказомъ далеко ушолъ,
 Я мало повдвѣлъ, женился,
 Мать къ восьмерымъ дѣтямъ привелъ;
 Она потерю замѣнила,
 Сиротъ моихъ добру учила;
 И озаботясь вместе съ нею,—
 Наточникъ выдать дочерей,
 Да старшаго женили сына;
 Осталась въ домъ половина,
 На все потребенъ свой расходъ.
 Мнѣ ибси новый путь открыли,
 Торговль дали вольный ходъ;
 Стихи меня озолотили! (1)

(1) Сочинитель удостоился получить за стихи свои отъ Всемилостивѣйшихъ щедротъ ГОСУДАРИ ИМПЕРАТОРА кафтанъ съ золотыми галунами, золотую медаль съ изображеніемъ Его Величества для ношенія на Александровской лентѣ, и золотую медаль отъ Императорской Россійской Академіи.

Тогда придумалъ спять заводъ,
Съ однимъ шатромъ, съ двумя печами,
Пошелъ возиться съ кирпичами;
Старье додой, вновь разводилъ,
Сбивалъ бугры и лѣсъ рубилъ,
Раздѣлалъ рунасы,—и валки,
Раздвинулъ очести съ водою;
Засыпалъ ямы, буераки,
И для укладки дровяной,
Уладилъ пристань,—строилъ хаты;
На горочкѣ себѣ приотъ,
Какъ домикъ сельскій, небогатый;
Развелъ и огородикъ тутъ;
Шатерь навѣсами покрывся;
Тамъ баня, погребокъ со льдомъ,
Со всехъ сторонъ огородился—
На славу пивовымъ плетнемъ.

Пришла пора, ко мнѣ артели,

Киршицдѣльцевъ, сушишковъ,
Какъ вереницы налетѣли,
Условились;—зачини готовъ;
На гумнахъ дружно закишѣли,
Работы въ мастерскихъ рукахъ,
Киршицъ рядами;—и въ печавъ
Пары изъ дымишковъ всклаубились,
И на усиленные труды—
Смотря, насмѣшники дивились;
Ужъ новой выдѣлки рады
Въ судахъ, какъ маковъ цвѣтъ, красѣли;
Но ветру къ устью прилетѣли—
Суда, и съ нашимъ кирпичомъ!
Смотрѣла ненависть сычомъ,
Привѣтствуя насмѣшкой злою;
А къ намъ, какъ тутъ, кувецъ на бортъ;
Мы доброй продали цѣною,
Пошелъ и нашъ кирпичикъ въ ходъ!
Глядь,—продали еще къ стропню;

На честь и прибыль заведенью,
Узналъ насъ Питеръ и Кронштатъ;
И сколько въ десять лѣтъ, —палатъ
Настроили въ Столицѣ славной!
Вездѣ расчѣтъ вели исправной,
Во лжи никто не укорилъ; —
Кому чѣмъ долженъ, —заплатилъ;
Живу съ снокойною душою,
Доволенъ я моею судьбою;
Мнѣ сердца —зависть не гнететь, —
И тѣмъ —мой кончится отчетъ.

СП6ГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

=

	страи.
Молитвѣ за победы	5.
На 2 Июля.	8.
Клягнѣ Т. В. Юсуповой	13.
Счастливый внукъ	16.
Парфенъ порядовицкѣ	25.
Софронъ Удальцовъ	44.
Раскладка оброка.	49.
Беседа поселянъ	57.
Кирпичники	66.
Вольнка	70.
Время	73.
Старая быль	75.
39 годъ	79.
Отчетъ въ торговомъ хозяйствѣ	85.

СП6ГУ

СП6ГУ

СП6Гу

